

PEACE

今始母道

Я чувствую новую кровь и новые уши...

HARMONY - это
OUR Philosophy

Вы тут чернокожих не видели в ближайшее время?

Здесь хоть и революция в Непале, но слов мы искать тебе не будем

M. Sei'Vee

ГЛАВА 35. Часть первая. В тюрьме.

– Здравствуйте, дети мои, – выйдя на площадку, обращается ко всем молодой священник.

Следом за ним, прихрамывая, появляются сёстры. Индусская бабушка лет семидесяти, с косыми глазами в очках с очень толстыми линзами, и одетая в католическую рясу, широко улыбаясь, тоже приветствует всех гуляющих по кругу заключённых. Вторая, более молодая сестра лет шестидесяти, без дефектов на лице, но хромя на одну ногу, которая короче другой, появляется последней, неся пакет с подарками. Вся эта картина абсурда напоминает какие-то сумасшедшие комиксы. Огромные линзы у первой сестры так сильно увеличивают её глаза, что кажется, будто она гигантский хамелеон с огромными зенками, смотрящими в разные стороны.

– Видимо, сегодня понедельник, если этот цирк сюда приехал, – говорит Антонио, садясь рядом на ступеньки.

– Что нового, мистер Бин? – оброщаюсь я к нашему греку.

– Почему ты называешь меня мистером Бином? Мне это ужасно не нравится. Пожалуйста, не называй меня так больше.

– Хорошо, я больше не буду, просто ты ужасно похож на главного героя этого британского сериала. А что ты грустный такой, Антонио? Неужто тебя так эта кличка достала?

– Эх, если бы... Опять меня на деньги развели, – вздыхая, говорит грек, делая выражение лица, как у мистера Бина. – Не видать мне, Вася, свободы в ближайший год, как минимум.

– Кто тебя развёл? Что случилось? – с сочувствием спрашиваю я, приготовившись слушать очередную душеспитательную историю о том, как несправедлив мир по отношению к мистеру Бину.

– Мафия, государственная гоанская мафия. Судья Бима Тали, адвокат Питэр, шеф драг-полиции Ашиш и прокурор Киран. Они же здесь, в Гоа, вместе учились, вместе росли, они же все вместе и работают. Ашиш ловит, Питэр деньги собирает, судья и прокурор долю получают, все счастливы. Сначала Ашиш забирает все наркотики и деньги. Большая часть идёт в карман шефу драг-полиции. Он их делит с сыном министра внутренних дел, который его при-

крывает. Наркотики шеф полиции отвозит к самым известным драг-дилерам – информаторам, которые их берут на продажу. Минимальную часть от оставшихся наркотиков Ашиш отправляет на экспертизу в Хайдерабад, чтобы получить себе на погоны ещё одну звезду за хорошую работу. Потом мы платим адвокату пять штук баксов. Часть из них идёт судье, часть прокурору. Если денег не заплатишь, то десять лет гарантированно. Был такой израильтянин по имени Даниэль. Решил он, что всех умнее и пригласил адвоката из Бомбея. Пошептал адвокат прокурору на ухо, тот судье всё объяснил и в итоге дали израильтянину за два килограмма чараса десять лет тюрьмы, несмотря на то, что сидящие в его камере непальцы с двадцатью килограммами вышли на волю. Если хочешь, Вася, выйти отсюда, то должен всех осчастливить. Государство должно быть счастливым от того, что ты показательно получил наказание от года до трёх. Свидетели должны быть счастливы от того, что по пятьсот баксов заработали. Полицейские должны быть счастливы, что от драг-дилеров деньги получили. Прокурор, адвокат и судья счастливы от того, что у них хорошая зарплата, а самым счастливым должен быть ты, потому что не ушёл на десять лет. Вася, ты понимаешь, что это – киднеппинг на государственном уровне?

– Антонио, то, что ты мне сейчас рассказал, я уже слышал раз десять от каждого драг-дилера. Ты мне расскажи, кто тебя сейчас на деньги развел? Ты же в тюрьме сидишь.

– Развели меня, Вася, менты, – знают, сволочи, что у меня деньги есть. Предложили они мне за шесть штук баксов экспертизу моего кокаина сделать не за год, а значительно быстрее. Пообещали, что и заодно на чистоту мой кокос проверят. А ведь я-то знаю, что мой кокаин на шестьдесят процентов парацетамолом разбавлен. Если такую экспертизу провести, то из моих двухсот пятидесяти грамм сто получится. А со ста граммами меня выпустить под залог должны. Передал я через друзей для полиции деньги, а вчера, когда возили меня в суд, разговаривал я со своим следователем, и знаешь, что он мне сказал? «Извини нас, греческий брат, но раньше, чем через год не получится тебя выпустить, а деньги мы твои уже потратили, мы тоже кокаин любим, а он сейчас дорого стоит». Успокоили меня тем, что пообещали года через полтора-два выпустить. А мне побыстрее на волю нужно, у меня там любовь моя, Наташа, ждёт.

– Видели мы твою Наташу, видная девка. На неё всегда охранники пялятся, когда она тебя навещает, – беспардонно вклинивается в наш разговор подошедший Виктор. – Зато, Антонио, проверишь

её любовь. Дождется тебя, ценить будешь больше, а не дождется – грош ей цена, значит.

– Всё, хватит, Виктор. Не могу я больше слушать твою философию. Мне тебя в камере хватает. Пойду я, лучше со священником пообщаюсь.

– Ты же не любишь католиков, – смеясь, говорит Виктор уходящему греку.

– Уж лучше с ними, чем тебя слушать.

– Что это он на тебя так реагирует? – спрашиваю я, передвигаясь ниже, чтобы посидеть на солнышке.

– Да злится он, Вась, на меня потому, что я его в камере мистером Бином зову и подкалываю его постоянно. Он тебе уже рассказал, как его развели?

– Да, рассказал.

– Но, ведь не первый раз уже его разводят. Чувствуют менты, что у него ещё заначка денег осталась. Никто не захотел жалобу в кассационный суд за двести баксов подавать. А он согласился, не смотря на то, что адвокат предупреждал, что шанс один процент из ста. Станный он вообще, наш грек. Ты представляешь, Вась, у него десятка светит, а он весь вечер переживал, что у него в Греции магнитола из машины могут украсть. Он за неделю до ареста, в Греции, напротив дома машину оставил.

– Это, Вить, пройдёт со временем, я тоже первое время переживал, как я буду в Гоа жить вместе с той сукой, что подставила меня. Вечерами парился, думал, как я теперь деньги буду зарабатывать. Бесконечно думал, как там девчонки мои без меня. А сейчас у меня одна только мысль осталась – не получить бы десять лет. Десять лет – это ведь, практически, конец жизни. Остальные проблемы просто смешны по сравнению с этой.

– Это точно, – вздыхая, соглашается Виктор. – Я ведь тоже десятки боюсь. Вдруг, полицейские мне подсыпали кокаин в мой новокаин?

– Опять ты, Вить, за своё, – начинаю заводиться я. – Чтобы тебе десятку дать, ментам нужно тебе минимум сто грамм сыпануть, а это ведь десять тысяч долларов. Кому это нужно? А если и сыпанут, то максимум – грамм пять. Если заключение экспертизы придёт с позитивной реакцией на кокаин, напишешь заявление, чтобы проверили его на чистоту. Отсидишь ещё двенадцать месяцев, получишь вторую экспертизу, и выйдешь. К тому времени я уже, надеюсь, на воле буду, не переживай, Вить, я тебе передачи носить буду.

– Вася, за банку новокаина два года сидеть? – начинает злиться на меня Виктор, словно это я посадил его в тюрьму.

– Вить, за тот амфетамин аптечный, что ты продавал, тебе бы в России лет пять бы дали. А здесь, полиция несколько грамм твоего амфетамина даже к делу не стала прикреплять. Так что молись, чтобы тебе ничего не подсыпали. А десятку никто тебе давать не собирается. Видишь, вон в компании негров самый маленький сидит? – показываю я пальцем на угол, где обычно тусуются семь наших чернокожих друзей. – Его с восьмистами пятьюдесятью граммами кокаина взяли. Сколько на самом деле у него было никто, кроме его самого, не знает. Тогда им сыпануть тебе сто грамм ничего не стоит. Но только не стоишь ты таких денег. Никому это не нужно.

– Всё, пойду я лучше, Вась, с пастором католическим пообщаюсь, надоело твой бред слушать. Они вон конкурсы какие-то собираются проводить, я лучше на них посмотрю. А то после разговора с тобой я опять ночью спать не буду.

– Ладно, не злись, don't give up hope, – кричу я уходящему в другой угол тюрьмы Виктору.

Проходящий мимо Бориш садится рядом со мной на место Виктора.

– Что нового, Бориш? – обращаюсь я к молодому художнику. Что загрузил, мой турецкий друг?

– А что радоваться-то, Вась? Девушка у меня в Турции живёт, а я здесь торчу два месяца уже. Я ведь свадьбу готовился справить, а адвокат, которого мне Ашпак посоветовал, не очень-то прикладывает усилия, чтобы вытащить меня отсюда.

– Не волнуйся, Бориш, со дня на день выпустят тебя, поедешь к своей красавице болгарской. Дело у меня к тебе есть, Бориш. Скоро мои девчонки приезжают в Гоа, у дочки день рождения, восемь лет будет. Если я тебе маленькую фотографию дам, сможешь портрет нарисовать?

– Конечно же, Вась, смогу. Я же художник.

– Вот спасибо, хоть какой-то смогу подарок подарить. У меня за это кропалик гашиша есть, как аванс.

– И тебе спасибо, мой русский друг. Здесь, в тюрьме, этот кропалик дороже золота. Половинку я на табак и кофе поменяю, а вторую половинку сегодня ночью выкурю. А что нового, Вась, в твоей камере?

– Сегодня шмон был. Опять сотовый телефон у всех искали, я чуть с охранниками не подрался. Хотели они мою самодельную

гирю отобрать. У меня гирька хорошая, из шести двухлитровых бутылок сделана. Ворвался к нам сегодня начальник тюрьмы с охранниками, всю камеру перевернули, все вещи перетрясли. Хорошо, что я гашиш в фантики для конфет завернул, их не стали разворачивать. Увидел начальник мою гирьку, и приказал охранникам отобрать. А ты же знаешь, Бориш, для меня моя гантелька сейчас – как жена, я же если двенадцать тонн в день не подниму, то уснуть не смогу. Это единственное важное, что у меня сейчас есть. Схватил я её обеими руками и кричу как псих: «Не отдам! А кто попробует отнять – покусая или покалечу!» Их пятеро с палками, а я один. Стою в углу, обхватил руками гантель, коленки трясутся, а сам зубы им скалю. Хорошо, сокамерники за меня заступились. Говорят начальнику, мол, не трогайте вы этого русского, он гантелей этой занимается, и никого не беспокоит. Без гантели спят ещё, чего доброго, от безделья. Короче, сжалился надо мной начальник, не стал последнюю радость отнимать. Хорошо, что новый начальник тюрьмы – лояльный дедушка, вот старого ты не застал. Его в тюрьму в Васко перевели. Тот, как вампир энергетический, если гадость какую не сделает, то день зря для него прошёл. Помню, Лена моя коврик резиновый принесла, чтобы не на бетонном полу спать. Так этот гад мне отдал его только через два месяца, и то после того, как я в больницу с жаром попал. Тот точно мою гантель отобрал бы. А ещё, сегодня хорошая новость, точнее две. Виктор через судью добился, чтобы мы могли овощи себе покупать. Шесть месяцев он заявления разные писал, голодовку недельную объявлял, врачам и судье жаловался. Его фразу «Вай нот томато?» уже все инстанции слышали. В понедельник помидоры, огурцы и лук нам привезут. А вторая хорошая новость, я под это дело я добился, чтобы нам ещё и майонез привезли. С майонезом другая проблема была. Его охранники, которые заказ принимают, никогда не пробовали и в глаза не видели, кое-как сумел объяснить им. Два месяца я боролся за майонез, и победил. Так что в следующий понедельник у нас праздник. Салат, наконец-то, поедим. Хоть какие-то витамины, а то я на рис с горохом глядеть уже не могу. Смотри, Бориш, какой цирк священники устроили, такое только в Индии увидеть можно!

Замолчав, мы с удивлением смотрим, как посередине площадки для прогулок, разделив убийц, грабителей и насильников на две группы, стоит священник, руководя детским конкурсом. На счёт «раз, два, три», по отмашке, с двух сторон выбегают по одному индусскому уголовнику, пытаясь первым схватить старый тапочек,

лежащий посередине. Выигравшему достаётся пластмассовый крест на веревочке.

– И сюда протянул свои щупальца Папа Римский. По-моему, это нечестно давать людям религию, лишая их права выбора, – вздыхая, говорит мне мусульманин Бориш.

ГЛАВА 35. Часть вторая. На воле.

– Снова, Арик, жарко становится в Гоа, мунсун вот-вот начнётся.

– Да, Вась, пора в Непал передвигаться, там хорошо сейчас, не так жарко. Соскучился я по Гималаям.

– Как же мне, Арик, индусы надоели, смотреть не могу на этих обезьян. Они в конце сезона зажавшиеся, важные. Вот уж точно, рабские сущности. В сентябре, когда в конце сезона дождей они без денег сидят, – жопу готовы лизать за десять рупий. А в апреле-мае, как бабуины надутые ходят. На худой козе к ним не подъедешь.

– Ну, а что ты хочешь, Вась, их тут португальцы столько лет, как рабов, использовали. У них же комплекс неполноценности.

– Это точно, Арик. Вот, к примеру, Францис, хозяин нашего дома. На день рождения своей дочери принес нам две тарелки риса с курицей. Я ему говорю: «Присаживайся с нами за стол», а он – ни в какую. Вместе с женой на пол сели, и сидят, снизу смотрят, как мы едим. А ведь Францис не бедный, два дома двухэтажных, лодка с мотором, пять мотоциклов, бык племенной, своё рисовое поле. А знаешь, Арик, как они в сезон дождей живут? Вчетвером в одной маленькой комнате на полу спят. И знаешь почему? Не хотят, чтобы остальные комнаты изнашивались. Они ведь по местным масштабам – зажиточные крестьяне, а живут, как рабы, сто лет назад. И гордости у них никакой нет. Пришёл ко мне Францис в начале сезона. Взрослый мужик, а стоит и ревет, как ребёнок, дай говорит, Вася тысячу долларов взаймы, нужно взятку полиции дать, а то мой второй дом нелегально построен, снести могут. Я, говорит, тебе деньги через две недели отдам. Весь сезон я за ним ходил, спрашивая свои деньги назад. Сумел только взаиморасчётом по аренде дома за следующий сезон долг списать, и то на треть арендную плату, паразит, поднял.

– Да, Вась, что непальцев, что индусов – полгода терпеть можно, а потом становится невыносимо. Я вот тоже, Вась, по непальцам соскучился. У них под слоем хитрожопости большой слой человечно-

сти прячется. А у индусов под слоем хитрожопости – слой рабской сущности.

– Хорошо, что в Непал без моей жены в этот раз поедем. Мои девчонки сейчас в рашке колбасу с пельменями, наверное, едят. В прошлом году, когда мы в Непал ехали, Лена мне в поезде весь мозг проела. Всё её не устраивает, всё время она чем-нибудь не довольна. И откуда в ней столько важности внутри? Ладно бы она из богатой, интеллигентной семьи была, я бы ещё понял её недовольство, а то ни образования, ни денег. А важности и гордости – как у аристократов. Поезда её не устраивают. А кто в поезде-то ездит? Такие же, как и мы, – голодранцы. Вот и ведут себя индусы с нами, как ровня, что ещё можно от них ожидать? Лена же моя из себя белую принцессу вечно строит. Не так на неё посмотрели, не так подумали. Без неё нам только легче будет. Кому-то гордости не хватает, а у кого-то её слишком много. Почему так несправедливо устроен мир?

– Так что, значит, Вась, теперь без женщин в Непал поедем?

– Нет, Арик, теперь Дэн со своей женщиной поедет. Нашел он себе бабу с ребёнком. У неё муж в тюрьме индийской за килограмм гашиша сидит. Она, так же как и ты, кришнаит бывший. Вот, вместе с ними, компанией, и поедем. Чем вот только, интересно, Дэн думает? У самого денег – ни гроша, а ещё бабу с чемоданом завёл. Чувствую я, придётся мне его семью кредитовать. Вчера приходил ко мне, жаловался, что денег нет. Пропрыгал весь сезон на пати вместо того, чтобы деньги зарабатывать. Говорит мне: «Что, Вась, мне делать, денег только на дорогу до Непала хватает?» Хотел я, Арик, в Непал на самолёте полететь, но, видимо, не судьба. Пришлось у сумасшедшей Псю на последние деньги сто грамм МДМА покупать. Вот, думаю пати проводить в Непале, пусть Дэн торгует, надо же друга выручать. Как-нибудь проживём до следующего сезона. Теперь у меня у самого денег на месяц жизни осталось. Если деньги кончатся, то МДМА на еду менять буду, – смеясь, говорю я, вытаскивая свой дорожный рюкзак.

***

– Всё те же лица, всё в том же месте, – смеясь, говорит Арик, снимая рюкзак возле входа в «Май бьютифул ресторан».

– Здорово, Гришань! Что, снова непальское лето в Покаре?

– Здорово, Лэнк! Как будто бы и не было полгода. Шесть меся-

цев назад мы уезжали, вы здесь сидели. Мы снова приехали, а вы снова за теми же столиками сидите. Давно ты, Лэнк, из Тайланда вернулся?

– Нет, пару недель назад. В Тайке дожди начались, вот мы в Непал и перебрались.

– Слышал, Вась, новость про Зонта? – внезапно перестав улыбаться, спросил Лэнк, переглянувшись с Гришей.

– Нет, я как в Индию приехал, ничего больше о вас не слышал. А что случилось?

– Облил он себя в Тайланде бензином, и поджог.

– Как?! – открыв от удивления рты, спрашиваем мы с Ариком почти одновременно.

– То ли флипанул, и в бреду покончил жизнь самоубийством, то ли помог кто-то ему. Прямо на середине улицы нашли его обгоревшее тело. Он последнее время по нескольку капель ЛСД каждый день ел. Совсем у него голова плохо работала. Реальность и иллюзия – всё перепуталось.

– Ну, а у тебя всё в порядке, Гришань? Как сезон в Непале провёл? У тебя-то, надеюсь, от одиночества крыша тут не поехала? – спрашиваю я у похудевшего, обросшего брата Красной Шапочки¹.

– У меня, Вась, всё по-старому. Всю зиму в Покаре провёл, полгода ничего не делал, из Непала так и не уезжал. Анализы сдал на туберкулёз. Врачи говорят, что я полностью реабилитировался. Вот, думаю в рашку слетать, только не знаю как.

– Это же ты, Гришань, уже полгода без визы здесь?

– Ага. Мало того, Вась, у меня ещё и паспорт закончился, – нервно смеясь, отвечает Гриша, поправляя свои очки, словно Кролик из мультика про Винни-Пуха.

– А не опасно это, Гришань, без визы в Непале жить?

– Я, Вась, к Ромашке в тюрьму ездил, там человек пять сидят за просроченные визы. По два года каждый получил. Но, я в тюрьме уже сидел, мне бояться нечего. Подумаешь, пару лет казенную еду есть.

– Как там Ромашка в тюрьме поживает? Надо бы его навестить.

– Нормально всё у него. Так, мелкие тюремные хлопоты, – то от чесотки, то от вшей лечится. Чарас у него всегда есть. Сидит он, как король, каждый день накуривается. А где, Вась, семья твоя? Неужели ты без своих девчонок приехал?

¹Красная Шапочка – Яна Поплавская, сестра Гриши.

– Ленка с Василинкой в рашку на пару месяцев улетели, зато Дэн теперь с женой и ребёнком сюда приехал.

– Когда же он успел? Ещё в прошлом сезоне холостой был.

– Он сюда, Гриш, чуть попозже зайдёт. Сейчас семью разместит, и обязательно подойдёт. Вот и спросишь, как он успел жену и пятилетнего ребёнка завести.

– Смотрите, какой персонаж по улице идёт! Сразу видно – чечен, – поудобнее расположившись в кресле, говорит Лэнк, почувствовав приближение чего-то нового и интересного. – Может, что-нибудь развеселит меня сегодня, а то за весь день никто, кроме нас, сюда не заходил.

Влад Лэнк, крупный парень с восточными чертами лица и маленькой бородкой, напоминает сейчас джина, которого вряд-ли что-нибудь может развеселить в этом мире.

– Я чувствую новую кровь и новые уши, – потирая руки с ухмылкой, говорит наш джин, приготовившись к беседе с чеченцем.

Доверившись авторитетному заявлению Влада, мы тоже все полагаемся поудобнее, в предвкушении чего-то нового, что может хоть как-то разнообразить повседневную жизнь Покары. Подойдя ближе к столикам под открытым небом, новый персонаж с лицом обычного кавказца, остановившись напротив входа, какое-то время осматривает нас, решая, зайти или нет. Одетый в спортивную майку, кроссовки и шорты, словно только что приехавший турист, он первый выходит на контакт.

– Здорово, братва. Я тут вижу, вы живёте здесь – ссутулившись на манер русского урки, обращается к нам непонятно откуда взявшийся в Непале чеченец. – Вы тут черножопых не видели в ближайшее время?

– Интересно, кого это тут, в Непале, черножопыми зовут? Это что-то новое, – сдерживая улыбку, серьёзно, словно преподаватель, спрашивает Влад Лэнк.

– Ну, это типа как я, чеченцы.

– Так вы чеченец? – сделав удивленное лицо, подключается к этому спектаклю Гриша.

– Ну, я нэ савсем чеченец, я наполовину ингушет.

– Я тут два года живу, всякого народа перевидал, но чеченца первый раз вижу. Вот вы оказывается какие – чеченцы. А меня Гриша зовут. Я почти непалец, хоть и из Москвы. Не то место Непал, куда чеченцы отдыхать ездят. Как звать-то тебя, брат-чеченец? Извини, но нацистов тут нету, не могу я тебя черножопым называть.

– Марат мэня завут.

– А сколько тебе лет, Марат?

– Двадцать пять. Мэня атец отправил сюда. Подальше от разборок. Он в чеченском правительстве шишка большая, землю распределяет. А сейчас снова нэспакойна на Родине. Убить его хотят, враги из другого чеченского клана. Он в Арабских Эмиратах большой отель вместе с одним арабом построил, а тот араб его на дэньги кинул. Я образование в Арабских Эмиратах получал, десять лет там жил, в гости к тому арабу часто ходил. Нормальный араб вроде был, а потом, шакал, взял и продал отель без ведома моего отца, а сам спрятаться решил. Так вот, пришлось людям моего отца брата того араба выкрасть, и в Чечню перевезти. Вот меня сюда и отправили прятаться, а заодно и подлечится.

– А что с тобой? Уж не туберкулёз ли тоже? – заинтересовано перебивает его Гриша.

– Нэ, туберкулёза у мэня нэт. Есть грешок у меня один, очень сильно героин я люблю. Много лет уже люблю.

– А спида у тебя нет? – снова спрашивает Гриша, почему-то заинтересовавшись его здоровьем.

– Нэ, спида нэт. А что, нужно?

– Нет, просто живет тут, в Покаре, один русский химик, тоже сын известного человека – зав. кафедрой Московского химического института. Его папик сюда, подальше, в Непал отправил, потому, что сынуля гердоз очень любит. Сынуля джанк конченный, и большой спидом вдобавок. Благодаря хорошему образованию, любой наркотик на кухне сварить может. Я думаю, ты с ним ещё познакомишься, может, даже и подружитесь.

– Парни, а можете мне помочь ствол найти? У меня с бабками проблем нет, сколько надо, столько заплачу.

– Нет, брат, здесь хоть и революция в Непале, но ствол мы искать тебе не будем, – отвечает за нас за всех Влад, вытаскивая из красивой резной шкатулки кусочек гашиша. – Пис энд лав, вот наша философия. Садись с нами, Марат. Чилум ты курил когда-нибудь?

– Гашиш я люблю, а чилум никогда не курил. Если научите – с удовольствием покурю.

– Тогда, смотри за нами, и повторяй так же. При курении чилума есть два главных правила: губами к чилуму не прикасаться и не болтать, пока он у тебя в руках. Вот тебе, Марат, кусочек гашиша, кропали, пока я сигарету сушить буду.

– Лэнк, слушай, а где наш психоделический дедушка Рико? Давно не видно его, – обращаюсь я к Владу, вспомнив про своего учителя по гашишу.

– Не спрашивай меня, Вась, больше ни о чём, знать ничего о нём не хочу, – суша зажигалкой сигарету, начинает возмущаться Лэнк.

– Как же так, Лэнк? Вы же с ним лучшие друзья много лет были?

– Девушку он, Вась, мою увел. Любовный роман у меня был красивый с одной барышней, – смущённо опустив глаза, говорит Лэнк, смешивая табак с гашишом. Жил я с ней полгода на Копангане, влюбился по уши. Думал, наконец-то нашёл себе нормальную подругу. Закончилась моя любовь тем, что поругались мы как-то с ней после очередного обдолбоса, я даже не помню из-за чего. По-моему, из-за того, что мне на пати один трансвестит минет сделал. И ушла она к Рико на ночь, мне назло. А утром вернулась и рассказала, что трахнула его, мне в отместку. Неужели он, старый хрыч, устоять не смог? Баба для него важнее друга оказалась. Знать его больше не хочу. Если он сюда припрётся, я в другой ресторан перейду, не хочу его видеть.

– Да, Влад, богат событиями этот год. Может, потому, что високосный? У меня вся жизнь от високосного года до високосного. Всю свою жизнь я в високосный год кризис испытываю. На следующий год рождается какая-нибудь идея, потом идёт её расцвет, её воплощение, в третий год медленно происходит затухание, а на четвёртый – снова кризис. Пережить бы этот високосный год.

– Ага, и знать бы, к чему он нас в будущем готовит, – вздохнув, добавляет Арик.

– Ом мани падме хум, – нарушает тишину Лэнк, громко произнося мантру сострадания.

На какое-то время все замолкают, погрузившись в свои проблемы и воспоминания.

– Ну что же, спасибо тебе, мой чеченский брат, развеселил ты меня, – обращается Влад к Марату, вставая из-за стола. – Про черножопых и стволы в Непале я весь день вспоминать буду. Пойду я чарас паковать, а то мне деньги на високосный год нужны.